

О «БОТАНИЧЕСКИХ» ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В ШВЕДСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Природина Ульяна Петровна, кандидат филологических наук, преподаватель, Частное образовательное учреждение дополнительного образования по изучению иностранных языков «Скандинавская школа», 129090, Россия, г. Москва, ул. Большая Спасская, 12, e-mail: brasikaikea@rambler.ru.

Данная статья посвящена «ботаническим» личным именам корпуса шведского языка. Рассматривается вопрос происхождения ряда имен, особенности наречения данной категорией антропонимов. Используемые материалы позволили установить время популярности данных имен в шведской культуре (вторая половина XIX века); выявить, что часть имен растительного происхождения являются вариантами существующих имен в других языках; определить, как занятия ботаникой и садоводством отражались на имянаречении.

Ключевые слова: «ботаническое» имя, шведская культура, личное имя

PLANT NAMES AS FIRST NAMES IN THE SWEDISH CULTURE

Prirodina Uljana P., Candidate of Philological Sciences, Teacher, Private Educational Institution of Additional Education on the Study of Foreign Languages "Nordic School", 129090, Russia, Moscow, 12 Bolshaya Spasskaya st., e-mail: brasikaikea@rambler.ru.

This article is devoted to the use of plant names as first names in Sweden. The question of the origin of some plant names, peculiarities of appellation by this category of personal names is discussed. Materials allowed the author to determine the use of plant names as first names became modern in Sweden during the second half of the 19th century, some names are Swedish versions of names already established in other languages, and several of the more original names were given to the children of botanists or gardeners.

Keywords: plant name, Swedish culture, first name

Проявление интереса к именам разных народов среди прочего обусловлено неизученностью многих тем в отношении антропонимических систем. В данной статье речь пойдет об истории становления «ботанических» имен в шведской культуре.

«Ботанические» имена часто встречаются в культурах разных народов. Так, в японском языке больше имен, связанных с растительным миром, чем с животным. Часто встречаются такие иероглифы, как *Хана* «цветок», *Инэ* «рис», *Аса* «конопля», *Такэ* «бамбук», *Кику* «хризантема», *Янаги* «ива», *Момо* «персик» [3, с. 86].

Среди женских имен иранского (персидского) происхождения находим «ботанические» имена *Лала* – «тюльпан», *Наргул*, *Наргуль* – «цветок граната», *Нардан* – «зерна граната», *Нилуфар* – «лотос» [2, с. 109].

У тюркоязычных народов много женских имен по названиям драгоценных камней и цветов: *Гульбану*, *Гульбазар*, *Гульсара* и т.д., где *гуль* означает «цветок», преимущественно розы; *Лале* – в одних тюркских языках *лал* значит «мак» или «пион», в других – «жемчуг» [2, с. 97].

А.Ж. Мамажакыпова, рассматривая имя человека как единицу культурного кода, отмечает, что данный код – это совокупность знаков (культурных концептов), репрезентирующих картину данного социума. Различают несколько видов культурных кодов: космогонический, растительный, зооморфный, цветочный и др. [1, с. 132–133]. На примере киргизского языка исследователь определяет конкретные концепты из разных культурных кодов. Так, из цветочного

культурного кода выделяются такие культурные концепты, как роза, лилия, астра, жасмин, алые маки; из растительного кода – дерево, яблоко, виноград, гранат, цветок. Элементы цветочного кода нечасто встречаются в мужских личных именах. В то время как элементы растительного кода находим как в женских, так и мужских антропонимах: мужское имя *Байтерек* (бай – «богатый», терек – «дерево»), женское имя *Анара* (анар – «гранат» + *a*- антропо-элемент) [1, с. 135–136].

Исследователь К. Мартинссон в научной статье *I namnfloran – växtnamn som förnamn* [6, s. 233–258] подробно изучает тему о личных именах, произошедших от названий растений, в шведской культуре. Имена «ботанического» происхождения зачастую малоупотребительны и поэтому – за редкими исключениями – не встречаются в обычных книгах по ономастике. Для того чтобы отыскать эти необычные имена, исследователь воспользовалась несколькими компакт-дисками с разными именовыми указателями:

- *Släktforskarförbundets Dödbok* (Метрическая книга «Об умерших», выпущенная Федерацией шведских генеалогических обществ). В этой книге упоминается примерно 4,2 млн. шведов, умерших в период с 1950 по 1999 гг., и в ней содержится информация об имени, фамилии, дате и месте рождения каждого человека;

- *Namnmaskinen*, дословно – «Машина имен» (Волин, 1998) [6, s. 233] содержит около 152 000 имен шведов по информации на 1997 г. В данном издании представлены статистические данные по отдельным личным именам, степени их популярности в то или иное десятилетие и их географическому распространению, а также указывается, сколько их носителей родилось за границей;

- Статистика по именам собственным, представленная *Statistiska centralbyråns namnstatistik* (Статистическое управление Швеции) (www.scb.se);

- Данные о переписи населения 1890, 1970 и 1980 гг., выпущенные Федерацией шведских генеалогических обществ в электронном виде. Здесь исследователю удалось найти информацию о родственных связях (братьев и сестер), а также о профессиях родителей;

- *Patentverket* (Бюро патентов Швеции) по запросу предоставило данные о существовании носителей тех или иных имен в 1999 г.

Чем руководствовались родители «цветочных» детей, когда давали своим малышам подобные имена? Прежде всего, несомненно, варьируется степень привязки того или иного имени к определенному растению, отмечает исследователь К. Мартинссон. Однако если ребенок получал подобное имя, то это не обязательно должно означать, что этого мальчика или девочку назвали именно «в честь» растения. Зачастую на данное явление влияет несколько факторов: веяния моды, значение имени, стремление подражать какому-то реальному человеку, или походить на литературного персонажа, или же просто приобрести некоторое сходство с ними. Реальные примеры, ставшие движущим мотивом родителей при выборе имен для своих детей, во многих случаях все еще остаются неизвестными.

В своем очерке об именах собственных в одном из сел провинции Даларна исследователь О. Даун (1971) выделяет три различных способа наименования: *выбор имени в честь кого-либо*, например, в честь родственника; *выбор по прообразу*, т.е. подбор имени, которое вызывает какие-либо положительные ассоциации, а также *механический подбор*, что чаще всего означает взятие того или иного имени из календаря именин в день рождения ребенка [5, s. 188]. Среди «ботанических» имен есть примеры из всех трех категорий, однако преобладают имена из второй.

К положительным ассоциациям, связанным с именем, может относиться и его оригинальность. Бывает, что молодые родители стремятся дать своему ребенку уникальное имя. Так, два гимназиста из Йёнчёпинга в конце 80-х гг.

XX в. провели исследование необычных имен в лене Йёнчепинг, ссылаясь на работу А. Аксельссон и А. Карлссон (1989), указывает Карин Мартинссон [6, s. 236]. Они просмотрели телефонный справочник и затем разослали письма тем людям, чьи имена посчитали неординарными, задав им вопрос, знают ли они, почему их так назвали. Оказалось, что им давали имена в честь литературных и библейских персонажей, героев немого кино, проповедников, врачей, моряков, родственников из Америки и беженцев из Германии. Не исключено, что имело место и чистые новообразования. Так, мальчик по имени *Geron* (Герон, вероятно, от швед. сочетания *att ge ron* – «внушать спокойствие») получил такое имя, видимо, потому, что он единственный слушался и отзывался, когда родители его звали. Большая часть «ботанических» имен также встречается довольно редко и лишь у незначительного числа шведов, иногда менее чем у десяти человек.

При механическом подборе имени решающую роль может сыграть не только день рождения, но и время года, когда ребенок появился на свет. Например, имя *Maja* (Майя) кажется нейтральным по сравнению с такими причудливыми женскими именами, как *Februaria* (Фебруария, от назв. месяца «февраль») и *Decembria* (Десембрия, от назв. месяца «декабрь»). *Skotte* (Скотте) – для мальчика, родившегося в *skottdagen*, т.е. в дополнительный день високосного года в 1920 г. и *Nyårsdaga* (Нюорсдага, швед. *Nyår* – «Новый год», *dag* – «день») – для девочки, рожденной 1 января 1917 г. Временной аспект также можно подчеркнуть благодаря тому, что ребенок получает имя «в честь» растения, которое цветет в день его рождения или же каким-то иным способом связано с этим днем. Среди «ботанических» имен наиболее любимыми являются производные от названий весенних цветов: *Blåsippa* (Блосиппа, швед. – «фиалка»), *Gullviva* (Гулльвива), *Konvalj* (Конвальй, швед. *konvalje* – «ландыш»), *Scilla* (Сцилла), *Tussilago* (Тюссилаго, швед. «мать-и-мачеха»).

Среди печатных изданий первым источником для появления новых имен стал именно календарь – во всяком случае, после реформы имен 1901 г. Перечень имен в шведском альманахе восходит к списку христианских святых, который должен напоминать о праздновании дня памяти того или иного мученика. Многие из древних имен оказались довольно своеобразными, женских среди них было мало. Данный перечень подвергся наиболее радикальным изменениям в 1901 г., когда большинство древних имен святых заменили именами современными. В 1972 г. за Королевской академией наук закрепили монополию на составление подобных календарей [4, s. 19]. С 2001 г. для шведских альманахов вступили в силу новые правила, разработанные Комитетом по регистрации имен Шведской академии. В новый список вошли лишь пять «ботанических» имен: *Iris* (Ирис), *Linnea* (Линнея), *Rosa* (Роза), *Veronika* (Вероника) и *Viola* (Виола) [4, s. 75, 179, 198, 233, 361].

Те имена, которые в Швеции используются в переносном значении, зачастую являются названиями самых известных представителей флоры: как садовых, так комнатных и других растений, а также различных приправ. Считается, что увеличение числа «ботанических» имен напрямую связано с ростом знаний о дикорастущих и культурных растениях. Так, в 1883 г. вышло первое издание «Растительного мира Швеции для школьников» (*Svensk flora för skolor*). Данная книга использовалась на школьных уроках. В XIX в. также возрос интерес простых людей к комнатным и садовым растениям. Все это привело к возникновению новых имен. Садовым (комнатным) цветам часто приписывают положительные характеристики: они служат украшением сада (помещения), издают приятный запах, создают комфортную атмосферу. В связи с этим вполне объяснима тенденция нарекать ребенка именем в честь какой-либо подобной культуры.

В первую очередь на дальнейшее использование таких имен вдохновляют научные названия родов растений. Прежде всего это названия женского рода с окончанием *-a*, такие как *Primula* (Примула) и *Viola* (Виола). Поскольку вполне естественно, что вышеупомянутые окончания употребляются затем в женских именах, можно предположить, что названия, оканчивающиеся на *-us*, подойдут и в качестве имен для мальчиков. Это видно на примере обычных шведских имен: *Magnus* (Магнус), *Hampus* (Хампус), *Pontus* (Понтус) и *Linus* (Линус). Поскольку в царстве растений довольно много названий с окончанием *-us*, таких как *Quercus* (дуб) и *Pinus* (сосна), то не все они используются в качестве имен собственных. Точно так же крайне редко в подобной роли выступают видовые названия (*artepitet*), хотя есть и некоторые исключения, например: *borealis* (линейя бореалис), *verna* (горечавка, или чистяк) и *nemorosa* (ветреница дубравная).

Растительный мир – это неиссякаемый источник вдохновения, из которого родители всех стран мира черпают новые имена, вне зависимости от того, выбирают ли они народные или научные наименования. В других языках встречается множество примеров «ботанических» имен, которые еще не прижились в Швеции. В Германии употребляются, например, такие женские имена, как *Clematis* (Клематис), *Inula* (Инула, бот. – «девясил») и *Clivia* (Кливия, бот. «кливия киноварная») (Вайтерхаус, 1998) [6, s. 238]. Среди тех английских названий растений, которые еще не переведены на шведский язык, можно отметить следующие: *Marigold* (Мэриголд, бот. «календула»), *Fern* (Ферн, бот. «папоротник»), *Sorrel* (Соррел, бот. «щавель»), *Snowdrop* (Сноудроп, бот. «подснежник» или «галантус»), а также *Holly* (Холли, бот. «падуб остролистный», «остролист»), отмечают Л. Дунклинг (1977); К.-К. Элерт и Ч. Элерт (1989) [6, s. 238].

Национальные различия в данном случае могут отражать отчасти различия в географическом положении, а отчасти – разницу в том, насколько благозвучным в языке является то или иное название или имя. Например, в Финляндии есть довольно большой пласт «ботанических» имен, отражающие уникальность скандинавской флоры, но которые не смогут выполнять ту же самую «именную» функцию, если их перевести на шведский язык. К ним относятся такие женские имена, как *Raita* (швед. «верба»), *Karpalo* (швед. «клюква»), *Lillukka* (швед. «терновник»), *Angervo* (швед. «таволга», также мужское имя), *Kaisla* (швед. «камыш озерный») и *Ulpukka* (швед. «кубышка желтая») (Кивиниеми, 1982) [6, s. 238]. Что касается США, то здесь можно назвать некоторые имена с ярко выраженной привязкой к их родине: *Eschscholzia* (бот. «эшшольция», «мак калифорнийский») и *Sequoia* (бот. «секвойя») (К.-К. Элерт и Ч. Элерт, 1989; *BabyNameGuide*, 2004) [6, s. 238].

Насколько осознанно подходили родители к выбору имен для своих детей? Знали ли родители девочки *Ester Afzelia* (Эстер Афзелия), рожденной в 1893 г., что «афзелия» – это растения подсемейства бобовых? Данные вопросы задает Карин Мартинссон [6, s. 238]. Некоторые родители хорошо разбирались в ботанических названиях, и это можно объяснить тем фактом, что у многих детей были сложные имена, состоящие из двух или трех следующих друг за другом производных «цветочных» имен. Так, имя *Linnea* (Линнея) часто встречается в сочетании с другими похожими именами. В одной из метрических книг об умерших есть такой пример: семь женских имен, каждое из которых содержит в своем составе имена *Viola*, *Linnea* и *Rosa*. Другой пример – тройной антропоним *Linnéa Viola Reseda* (Линнея Виола Резеда).

В тех семьях, где родители посвящали себя занятиям ботаникой и садоводством, как на профессиональном уровне, так и на любительском, можно встретить множество примеров отражения подобных интересов на именах их детей. Директор школы Роберт Мёрнер (*Robert Mörner*), внук профессора ботаники Элиаса Фриса (*Elias Fries*), и его жена Свея (*Svea*) активно занима-

лись ботаникой. Они хотели дать своим пяти дочерям, родившимся с 1901 по 1909 г., «цветочные» имена «в честь великого предка и любимых цветов». Итак, в качестве третьих имен дочери получили (по очереди) следующие: *Linnea* (Линнея), *Viola* (Виола), *Gullviva* (Гулльвива), *Blåsippa* (Блосиппа) и *Brunkulla* (Брюнкюлла, бот. «нигрителла черная»). Происхождение последнего имени объясняется тем, что Роберт Мёрнер был директором Народного университета в Емтланде. Кроме того, маленькая Брюнкюлла родилась в тот же год, когда нигрителла черная (*Nigritella nigra*) была выбрана официальным цветком ландшафта Емтланд, пишет Карин Мартинссон, ссылаясь на Й. Вегелиуса (1981) [6, s. 238].

Ученый-ботаник Вейт Виттрок (*Veit Wittrock*), который в начале XX в. был директором Бергианского ботанического сада, неожиданно оказал влияние на выбор имени в одной молодой семье. На рубеже веков Вейт Виттрок обстоятельно изучил три вида растений: фиалку трехцветную (*Viola tricolor*), линнею северную (*Linnaea borealis*) и аквилегию обыкновенную, или водосбор обыкновенный (*Aquilegia vulgaris*). Его работы проиллюстрировал своими изысканными акварелями художник Аксель Экблум (*Axel Ekblom*), работавший также и для Шведского музея естественной истории, и его жена Тереза (*Thérèse*). В то время как велось исследование фиалки, у пары родилась первая дочь, которую так и назвали – Фиалка или *Viola*. Вторая дочь получила имя Линнея (*Linnea*), но когда появился третий ребенок, священник отказался окрестить малышку Аклейей (*Akleja*). Вместо этого ей дали имя Флора (*Flora*), цитирует Карин Мартинссон М. Бьёрк (1999) [6, s. 239].

Согласно устным источникам, у многих «цветочных» детей родители изучали ботанику в университетах. Одна женщина еще во время занятий по флористике в университете, решила, что если у нее будет дочь, то она назовет ее *Melica* (Мелика) «в честь» перловника (*melica*). Однако у нее родились три дочери, которых она нарекла *Mélica* (Мелика), *Milia* (Милия, по названию травянистого растения *milium* – «бор» или «просьяник») и *Molinia* (Молиния, бот. «молиния голубая» или «синявка»). Вот еще несколько похожих примеров: дочь ботаника Сара Замия (*Sara Zamia*), родившаяся в 90-е гг. XX в. и получившая свое имя по названию растения замия из рода садовников; дочери энтомолога Пиролы (*Pyrola*), Линнея (*Linnea*), Эрика (*Erica*) и Ульва (*Ulva*), родившиеся в 60-е и 70-е гг. соответственно. У Пиролы, в свою очередь, родились дочери Вероника (*Veronica*, «в честь» одноименного растения семейства подорожниковых) и Никандра (*Nicandra*, одноименное растение семейства пасленовых). Что касается имени Ульва (*Ulva*), то обычно его считали женским вариантом имени Ульф (*Ulf*), но в рассматриваемом случае подразумевается водоросль или морской салат *Ulva lactuca*. В данной связи также упомянуть имя дочери Бенгта Кортина (*Bengt Cortin*), знатока грибов. Сам он был урожденный Андерссон (*Andersson*), но взял фамилию Кортин по аналогии с названием рода грибов паутинник (*Cortinarius*). Когда пришло время крестить дочь, священник предложил дать ей «грибное» имя. Тогда в качестве второго имени для девочки Бенгт Кортин выбрал имя Инолома (*Inoloma*), поскольку оно является синонимом уже упомянутого *Cortinarius*.

У детей садовников несколько иные имена, нежели у детей ботаников. Здесь речь идет о выборе имен по названиям популярных садовых растений. Так, у садовника из Халланда Акселя Вальдемара Лильенберга (*Axel Waldemar Liljeborg*) было четыре дочери, родившиеся в период с 1882 по 1889 гг. Вторые имена их звучат как *Escheveria* (Эхеверия / Эчеверия, бот. «эчеверия»), *Georgina* (Георгина, бот. «георгина»), *Linnea* (Линнея) и *Viola* (Виола). Коллега Лильенберга Андерс Август Асп (*Anders August Asp*) из Роннебю, провинция Даларна, был отцом Розы Линнеи Альфриды (*Rosa Linnea Alfrida*, по названию орхидеи *maxillaria alfrida*) и Гуннара Артура Розеуса (*Gunnar Arthur Roseus, roseus* – бот. «розовый»), которые родились в 1883 и 1886 гг.

соответственно. Флора Корона (*Flora Corona*), появившаяся на свет в 1887 г. была дочерью норвежского садовника, который работал в провинции Сконе. Кроме того, нельзя не отметить, что имена, образованные от названий растений, отражают и моду на растения в определенный период времени. Вот один из примеров – дочь садовника Анна Левизия (*Anna Lewisia*), родившуюся в 2003 г., назвали «в честь» популярного среди знатоков рода травянистых растений левизия [6, s. 239].

В шведской культуре процесс включения новых имен в антропонимическую формулу достаточно сложен. Чем экзотичнее имя, не соответствующее определенным нормам, принятым в шведском обществе и закрепленным в Законе «Об именах» (1982 г.), тем больше возникает проволочек с его официальным утверждением. В процессе «рассмотрения» имени может быть задействована целая цепочка органов власти (налоговая служба, Патентно-регистрационное управление, суды разных инстанций) и специалисты (эксперты-лингвисты). Закон «Об именах», в свою очередь, является важным инструментом, благодаря ему ряд заявлений о внесении незамедлительно желаемых изменений в антропонимическую формулу не получают одобрения. Заявления, в которых отдаются предпочтения именам, не являющиеся благозвучными, состоящими из букв и цифр, заблаговременно обречены на неудачу. Так, административный суд первой инстанции (*länsrätten*) Гётеборга в 1999 г. посчитал, что имя *Lingon* (Лингон, шв. «брусника») ассоциируется с чем-то съедобным и может причинить неудобство ребенку. В связи с этим объяснением не было разрешено дать такое имя ребенку [7, s. 595]. Среди принятых современных нестандартных имен находим имена, обозначающие названия деревьев, кустарников, растений: *Ask* (Аск, шв. «ясень»), *Hallon* (Халлун, шв. «малина»), *Koriander* (Кориандер, бот. «кориандр»), *Malva* (Мальва, бот. «мальва»), *Smultron* (Смультарон, швед. «земляника»), *Timotej* (Тимотей, бот. «timoфеевка»), *Tussilago* (Туссилаго, бот. «мать-и-мачеха»), *Vejde* (Вейде, бот. «вайда»), *Vide* (Виде, бот. «ива»)

Подводя итог вышесказанному, отметим, что «ботанические» имена представляют особый интерес для изучения на разных стадиях развития общества. Анализ личных имен может проводиться в контексте разных понятий. Проанализированный материал позволил отчетливо выявить процесс зарождения имянаречения именами, содержащими растительный и цветочный коды, в шведской культуре.

Список литературы

1. Мамажакыпова А. Ж. Женские и мужские личные имена как единицы культурного кода (на материале киргизского языка) / А. Ж. Мамажакыпова // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 557. – С. 131–140.
2. Суперанская А. В. Имена: история и современность / А. В. Суперанская. – М. : Таус, 2007. – 272 с.
3. Фролова Е. Л. Японский язык. Имена собственные / Е. Л. Фролова. – М. : Муравей, 2004. – 160 с.
4. Klintberg B. af. Namnen i almanackan. Fakta och kulturhistoria om svenska förnamn / B. af Klintberg. – Norge : Norstedts Akademiska Förlag, 2005. – 453 s.
5. Daun Å. Namnskicket / Å. Daun // En svensk by. Leksands kommun, Leksand. – 1971. – S. 185–231.
6. Martinsson K. I namn floran – växtnamn som förnamn / K. Martinsson // Svensk Bot. Tidskr., Uppsala. – 2005. – № 99. – S. 233–258.
7. En ny lag om personnamn. Betänkande av Namnlagskommittén. – Stockholm : Elanders Sverige AB, 2013. – 647 s.

References

1. Mamazhakypova A. Zh. Zhenskije i mužskie lichnye imena kak edinicy kul'turnogo koda (na materiale kirgizskogo jazyka) / A. Zh. Mamazhakypova // Vestnik MGLU. – 2009. – № 557. – S. 131–140.
2. Superanskaja A. V. Imena: istorija i sovremennost' / A. V. Superanskaja. – M. : Taus, 2007. – 272 s.
3. Frolova E. L. Japonskij jazyk. Imena sobstvennye / E. L. Frolova. – M. : Muravej, 2004. – 160 s.
4. Klintberg B. af. Namnen i almanackan. Fakta och kulturhistoria om svenska förnamn / B. af Klintberg. – Norge : Norstedts Akademiska Förlag, 2005. – 453 s.
5. Daun Å. Namnskicket / Å. Daun // En svensk by. Leksands kommun, Leksand. – 1971. – S. 185–231.
6. Martinsson K. I namn floran – växtnamn som förnamn / K. Martinsson // Svensk Bot. Tidskr., Uppsala. – 2005. – № 99. – S. 233–258.
7. En ny lag om personnamn. Betänkande av Namnlagskommittén. – Stockholm : Elanders Sverige AB, 2013. – 647 s.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИЧЕСКИХ ПОСЛОВИЦ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Бурмистрова Лариса Валерьевна, аспирант, Астраханский государственный университет. 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: larisa.burmistrova1@yandex.ru.

В статье рассматриваются комические пословицы, имеющие назидательный смысл в своем содержании, их семантические и структурные особенности. Материалом исследования являются пословицы с комической импликацией, взятые из паремиологических сборников на русском, английском и персидском языках.

Ключевые слова: комическая пословица, шутка, назидание, комический эффект

SEMANTIC AND GRAMMATICAL FEATURES OF COMICAL PROVERBS IN RUSSIAN, ENGLISH, PERSIAN LANGUAGES

Burmistrova Larisa V., Postgraduate Student, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: larisa.burmistrova1@yandex.ru.

The article dwells upon comical proverbs, which have an edifying meaning in their contents, their semantic and structural features. The research is carried out on the basis of proverbs with comical implication, which are taken from paremiological collected articles in Russian, English and Persian languages.

Keywords: comical proverb, joke, edification, comic effect

В данной работе рассматриваются характеристики комического назидания на материале паремиологического фонда. Назидание – поучение, направленное на соблюдение определенных норм поведения в восприятии мира и поступках – фиксируется в специально созданных для этого жанрах речи – рассказах о жизненных ситуациях, притчах, анекдотах, пословицах и афоризмах. Такое назидание может быть выражено прямо или косвенно, может быть серьезным или комичным. Комическое высказывание распадается на два основных типа – юмористическое и ироническое, при этом граница между мяг-